

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

СТРАШНЫЙ РАЙ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО»

© 2022 г. С.А. Борисова

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 23 ноября 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 28 февраля 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-202-215>

Аннотация: Эмотивная лексика играла существенную роль при создании образа рая в произведениях, бытовавших в Древней Руси. В статье исследуется смысловое наполнение прилагательного «страшный» и его однокоренных слов. В качестве источника выбрано «Житие Василия Нового», в котором упоминания о страхе встречаются наиболее часто. На основании сравнения оригинального текста «Жития» и его славянского перевода был установлен греческий эквивалент древнерусского «страха в раю» — φόβος, эмоция особого рода. Выявленная связь подтвердилась примерами из иных источников. Обращение к античным произведениям позволило выяснить происхождение понятия φόβος, изменение его содержания с течением времени и основные аспекты этого состояния. Кроме того, была проанализирована связь страха-φόβος с обозначениями эмоции удивления. В результате проведенного исследования мы получили комплексное представление о том, что вкладывалось в понятие страха не только в райских описаниях, но и в рассказах о встрече героев с Божественным.

Ключевые слова: страх, концепт страха, рай, образ рая, видения, райский сад, Небесный Иерусалим, история эмоций, Древняя Русь, славянский перевод с греческого.

Информация об авторе: Светлана Александровна Борисова — магистр культурологии, библиограф, Информационный комплекс РГГУ «Научная библиотека», Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия.

E-mail: sa-borisova@yandex.ru

Для цитирования: Борисова С.А. Страшный рай «Жития Василия Нового» // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 202–215. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-202-215>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

THE FEARFUL PARADISE OF “THE LIFE OF BASIL THE YOUNGER”

© 2022. Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Received: November 23, 2021

Approved after reviewing: February 28, 2021

Date of publication: March 25, 2022

Abstract: Emotive vocabulary played a significant role in creating the image of paradise in the literary works that circulated in Ancient Russia. The article explores the meaning of the adjective “fearful” and its cognates. “The Life of Basil the Younger” was chosen as a historical source, in which references to fear are most common. Based on the comparison of the original text of “The Life...” and its Slavonic translation, the article identifies the Greek equivalent of the Old Russian “fear in paradise”, which is a special kind of emotion — φόβος. Examples from other sources confirm the established connection. Analysis of Ancient Greek texts made it possible to trace the origins of the concept φόβος, the changes in its meaning over time, and the main aspects of this state. The author also examines connection between fear-φόβος and the words that designate the emotion of wonder. As a result of our research, we got the complex understanding of the concept of fear not only in the descriptions of paradise, but also in the stories where characters are faced with the Divine.

Keywords: fear, concept of fear, paradise, image of paradise, vision, paradise garden, heavenly Jerusalem, history of emotions, Ancient Russia, Slavonic translation from Greek.

Information about the author: Svetlana A. Borisova, Master of Art Studies, Bibliographer, Information centre RSUH “The Academic Library”, Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, 125993 Moscow, Russia.

E-mail: sa-borisowa@yandex.ru

For citation: Borisova, S.A. “The Fearful Paradise of ‘The Life of Basil the Younger’.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 202–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-202-215>

Как описать то, что «не видел... глаз, не слышало ухо, и не приходило... на сердце человеку» [1 Кор 2: 9]? Древнерусскому книжнику было не просто рассказывать о рае. Он тщательно подбирал слова, чтобы изобразить «красоту неизреченную», недоступную воображению.

Вероятно, в ответ на эту сложную задачу и возник четкий канон описания рая: набор устойчивых образов и характеристик [1; 2; 4, с. 60–75; 6; 7; 9]. Чаще всего рай предстает в двух вариантах: рая-сада и рая-града. Первый образ возник под влиянием ветхозаветного описания Эдема. Он представляет собой прекрасный, цветущий и плодоносящий сад, наполненный благоуханием и дивным пением птиц. Второй образ связан с новозаветным Небесным Иерусалимом. Рай-град тоже поражает великолепием: его здания прекрасны и сделаны из драгоценных материалов. На основе апокрифов возник третий образ рая — рай-небеса¹, небесные ярусы, населенные ангелами. Его источник — «Книга Еноха». Невероятный свет наполняет все варианты райского пространства. Сияние излучают предметы, которые там находятся. К постоянным характеристикам можно отнести также изобилие благ и состояние радости, блаженства пребывающих в раю.

Одним из средств построения рассказа о рае стала эмотивная лексика. Д.С. Нацевская заметила, что «в описании рая важно не только восхищение красотами и богатством идеального мира, но и его эмоциональное восприятие, которое передается посредством нравственной характеристики героя <...> или состоянием визионера во время видения» [7, с. 743]. Однако никто из исследователей не обращал внимания на то, что само изображе-

1 Не все исследователи согласны с предложенным С.С. Аверинцевым обособлением образа рая-небес в отдельную категорию [2, с. 195].

ние красот и богатств рая тоже эмоционально. Неожиданно часто в райских описаниях встречается эпитет «страшный» — даже чаще, чем в описаниях ада! Почему это, казалось бы, наименее подходящее сакральному пространству слово так распространено в рассказах о рае? Что за эмоция стоит за прилагательным «страшный»?

Для ответа на эти вопросы обратимся к «Житию Василия Нового»² — произведению, в котором описания рая наиболее насыщены упоминаниями о страхе. Таких рассказов в «Житии» два. Они представляют собой видения монаха Григория. Не будем вдаваться в подробности описания рая, не касающиеся темы исследования. Сосредоточимся на фрагментах, включающих в себя эпитет «страшный» и его однокоренные слова.

В первом видении Григорий встречается недавно умершую старицу Феодору. Она рассказывает визионеру, как после преодоления мытарств предстала перед Богом. Сначала Феодора подошла к «воздохуоу нѣ къ коемоу страшному и недоумѣнному»³ [14, с. 365]. Вскоре ее взору открылся и сам «страшный прѣтль» [14, с. 367], но Тот, кто восседает на нем, оставался невидим. Можно было наблюдать лишь стоящих вокруг престола прекрасных юношей, наряженных «въ ѡдежоу свѣтлоу, и страшноу» [14, с. 367]. Затем Феодора попала в обитель святых и видела их жилища, освещенные «страшнымъ силніемъ» [14, с. 367] и украшенные «страшными свѣтлостми» [14, с. 369]. Старица и сопровождающие ее ангелы дивились «ѡ страшныа красоты» [14, с. 369].

Феодора приглашает Григория в райский сад, где растут *страшные и дивные плоды* (здесь и далее курсив мой. — С.Б.) [14, с. 379] и находятся жилища праведников — «полаты свѣтлы. страшно оустроены» [14, с. 373]. Рядом с ними стоит большой трапезный стол, который «страшенъ блистаніемъ» [14, с. 375]. На нем среди цветов и драгоценных камней лежат

2 «Житие Василия Нового» возникло в Византии во второй половине X в. [8, с. 114]. Считается, что его написал монах Григорий, ученик Василия Нового [8, с. 114]. Славянский перевод был осуществлен в конце XI – начале XII в. [8, с. 122]. Это произведение оказало большое воздействие на древнерусскую книжность, искусство и фольклор. Так, следы его влияния обнаруживаются в «Повести временных лет», проповедях Авраама Смоленского, церковно-учительных сборниках, иконографии Страшного суда [5, с. 37]. «Житие» имело большую популярность в Древней Руси из-за включенных в него эсхатологических рассказов о Страшном суде и мытарствах [14, с. 7].

3 В издании «Библиотека литературы Древней Руси» этот фрагмент выглядит так: «къ въздоху нѣкоему страшному и недоумѣнному» [16, с. 514].

«ввоци страшнооушарени и оукрашени» [14, с. 373]. Визионер называет увиденное им *страшными чудесами* [14, с. 383].

Во втором видении Григорий становится свидетелем конца света. Он видит преобразование земли: под взглядом Бога она украшается *страшными садами* [14, с. 507]. Там произрастают «плоды неизреченыя, страшни и чюдни» [14, с. 507] и текут две реки: воды одной наполнены молоком, второй — *страшным медом* [14, с. 509]. Григорий наблюдает, как ангелы несут Небесный Иерусалим и устанавливают его на востоке. «Свѣтлость страшнаа» [14, с. 511] окружает град «страшныи и великыи» [14, с. 457]⁴. Страшны его столпы и стены [14, с. 457]. Праведники, облаченные «въ вдежу страшноу» [14, с. 537], входят в *страшные врата* [14, с. 541] и испытывают страшное «радованіе» [14, с. 525]. Их вступление в Иерусалим сопровождается «страшное пѣніе агѣлъ» [14, с. 527]. Внутри города праведников ждут «страшныа полаты» [14, с. 527], «чертози и вбителища. и ложница странныи и страшныи» [14, с. 693].

Взору Григория предстает и сам Спаситель, «страшныи Ѓъ Ѓс» [14, с. 495], — «страшныи соудіа» [14, с. 511], «ѿрь... страшныи» [14, с. 503], обладающий *страшным взором* [14, с. 493], изрекающий *страшные словеса* [14, с. 507]... Список его «страшных» характеристик можно продолжать и дальше.

Как понимать страшный рай «Жития»? Если обратиться к греческому оригиналу произведения, то можно увидеть, что на месте слов «страшный», «страшно» в большинстве своем стоят слова с корнем фрк. Второе место по частоте употребления с большим отрывом занимают слова с корнем фоб. Преимущественно они встречаются в характеристиках Бога⁵.

Согласно “A Patristic Greek Lexicon”, фрική — это “shivering fear, religious awe” [25, p. 1490]. Основываясь на Оксфордском словаре английского языка, первое значение анализируемой дефиниции можно перевести как «страх с дрожью» [26, vol. 15, p. 290]. “Religious awe” трактуется по отношению к Божественному как ужас, смешанный с благоговением, и страх, полный уважения или почтения [26, vol. 1, p. 831].

4 Варианты: «града дивнаго и страшнаго» [14, с. 511], «гра^а страшныи и всекрасныи» [14, с. 533].

5 Это закономерно: слово фобос имело несколько значений в христианских памятниках, одно из которых — страх Божий [25, с. 1486]. В «Житии» устойчивое выражение «страх и трепет» часто встречается в описании Страшного суда и в большинстве своем имеет греческое соответствие «φобος καὶ τρόμος», «φοβὸς καὶ τρόμος» [14, с. 464, 470, 476, 490 и др.].

Как показывают исторические словари, древнерусские книжники переводили словом «страхъ» и его производными разные греческие лексемы. Таким образом, «древнерусский страх» вообрал в себя множество смыслов. Нам важны те значения, в примерах к которым в греческих оригиналах встречаются слова с корнем φρικ. Таких групп значений в словарях три: 1. «благоговение/благоговейный страх; внушающий благоговение, благоговейный страх»⁶ — наибольшее число примеров; 2. «чудесный, дивный, приводящий в изумление, непостижимый»⁷; 3. «грозно, наводя страх», «страшный, внушающий страх»⁸.

Древнерусские книжники переводили греческие слова с корнем φρικ и рядом других славянских лексем. Так, φρίκη и его производные встречаются в статьях, посвященных трепету [24, с. 700]. Благоговение упоминается в каждой из дефиниций определяемого слова, проиллюстрированной данными примерами⁹. Лексемы с корнем φρικ содержатся в трактовке «грозы» в значении ужаса¹⁰. В статьях, связанных с состоянием ужаса [24, с. 730], интересующие нас примеры присутствуют сразу в нескольких словарных определениях: «оужасатисѧ — приходитъ в ужас, в страх»¹¹, «трепетать, бла-

6 «И оттолѣ стою въ цркви съ страхъмь, поминая слово его (ἔφριπτον)» [22, вып. 28, с. 144], «жъртву непорочну и страшну бескъвьрнну Гви принося... (φρικτήν)» [22, вып. 28, с. 149], «Глю же еже над страшными таинами ѡлту творити... (ἐπὶ τῶν φρικτῶν μυστηρίων)» [22, вып. 28, с. 149], «страшное твое истязание разумѣвая, Христе, страхъмь трепещо (φρίττω, трέω 'ужасаюсь и дрожу)» [22, вып. 30, с. 126; 24, с. 629].

7 «Велия и страшна двѣская таина ... (φρικτόν)» [22, вып. 28, с. 149], «Въселься [в греч. вин. пад.] въ чрево двѣя, из него страшно и паче словесе ветѣхааго Адама обновльша Гѧ хвалит<е> (φρικτός)» [22, вып. 28, с. 148].

8 «Страшно убо и скоро придетъ на вы испытанье (φρικτός)» [22, вып. 28, с. 148; 24, с. 629].

9 Трепетный — «Христе, слава твоему трепетьнууму съмотрению (τῆ φρικτῆ οἰκονομία)», «уста оного и страшнаго, и непостыжнаго, и трепѣтнаго глѣша... (φρικῶδες)» [22, вып. 30, с. 128]. Трепетно — «На плещихъ херовимьскихъхъ трепетьно яздя на руку ныня сѣдитъ Дѣвица чистыя (φρικτός)» [22, вып. 30, с. 127]. Трепетати — «грѣхы събираю на съгрѣшение и будущаго не треп(е)шу страшнаго таинства (οὐ φρίττω)» [22, вып. 30, с. 125].

10 «Гроза етера и трепеть. въкоупѣ же и сѣмжштаніе и страхъ пристрашньн нападаеть» (φρικη) [24, с. 178], «потѣщимъ убо, друзи, избѣжати поношѣнья и грознаго стоянья срѣтающаго грѣшныя вся (в греч. иначе: τὴν φρικτὴν αἰσχύνην 'ужасного позора')» [22, вып. 28, с. 109], «гроза мѧ обходитъ (φρικη)» [23, т. 1, стб. 595]. «Грозьныи — страшный»: «запрѣшение грозно (φρικῶδες)» [23, т. 1, стб. 596].

11 «А онѣ грѣды выше сѣдитъ <...> и не трепешеть прѣстоломь, ни оу^{жа}саеться видѣния (φρισσειν)» [23, т. 3, стб. 1160].

гоговойно устрашаться»¹²; «оужасть — изумление»¹³. Слова с корнем фрик переводятся также прилагательным «гордый» в значении «страшный» (из цитат видно, что имеется в виду «внушающий благоговейный страх»)¹⁴ и «величественный, поражающий, изумляющий»¹⁵. Вероятно, последняя дефиниция тоже предполагает сакральный контекст. Приведенные примеры показывают, что используемые для перевода славянские эквиваленты соотносятся с группами значений, выделенными нами для слова «страх», и по смыслу близки между собой.

Таким образом, лексико-семантическое поле переводов слов, содержащих корень фрик, в древнерусских текстах можно считать очерченным, что не исключает уточнений и корректировок в дальнейшем. Итак, мы видим: связь между древнерусским страхом (в частности, благоговейным страхом) и греческим φόικη прослеживается довольно четко. Осталось разобратъся в подробностях последнего состояния.

Согласно исследованию британского ученого Дугласа Кэрнса, изначально в греческой культуре слово φόικη обозначало физиологическую реакцию организма: дрожь и «гусиную кожу» [11]. Это состояние могло возникать по разным причинам, не обязательно связанным с эмоциями. Дрожь-φόικη характеризовалась изменениями температуры тела; была присуща и людям, и животным. Приведенные заключения Д. Кэрнс основывает на Корпусе Гиппократата и других медицинских сочинениях того времени, коллекции Problemata. Впоследствии этот физиологический признак стал метонимией страха. Страх-φόικη сохранил свою основу: он остался «инстинктивной, автоматической и телесной реакцией, особенно на внезапные визуальные или звуковые раздражители» [11].

Особое значение φόικη обрел в контексте религии. Д. Кэрнс пришел к выводу, что это слово обозначало произвольную реакцию на явление божества или признаки божественного присутствия [11]¹⁶. В качестве доказательств исследователь приводит отрывки из двух древнегреческих памятников: про-

12 «Иґо же оужасаютьсѧ ангели (φρίττωσιν)» [23, т. 3, стб. 1160].

13 «Отъ оужасти на чюдо и отъ чюда на диво душею преводимъ (ἐκ φόικης)» [23, т. 3, стб. 1162].

14 «Пре^а лицемъ гордаго събора. СѢкръвениѧ гърдыимъ таинамъ (φρικτός)» [23, т. 1, стб. 614].

15 «Грьдъ на овлацѣхъ. и аггелы. и силами славимъ» [24, с. 178].

16 С трактовокми Д. Кэрнса согласен другой исследователь Античности Дэвид Констан [12].

изведения Плутарха «Арат» и трактата Плутарха Афинского «О душе».

В сравнительном жизнеописании «Арат» заточенная в плен в храме Артемиды прекрасная девушка вырывается на свободу и внезапно предстает перед своими врагами: «...на шум она неожиданно выбежала из храма и когда, остановившись перед воротами, в шлеме с пышным султаном, взглянула вниз на сражающихся, то даже своим согражданам представилась исполненной нечеловеческого величия, а врагов, *решивших, что пред ними явилось божество*, это зрелище наполнило *таким страхом и трепетом*¹⁷, что никто уже и не думал о сопротивлении» [20, т. 2, с. 539].

В трактате «О душе» φρίκη становится частью мистического ритуала: «Вначале — странствия, утомительный бег по кругу и нескончаемые, тревожные путешествия сквозь тьму; затем, до самого завершения, *все ужасы — φρίκη, трепет, испарина и изумление (thambos)*. Но после этого каждый сталкивается с неким чудесным светом, и его приветствуют чистые, открытые места и луга с голосами и танцами и внушающим страх величием священных звуков и святых видений»¹⁸. В приведенном отрывке речь идет об обряде инициации Элевсинских мистерий [10, с. 96]. Посвящаемые блуждали во мраке и испытывали целый комплекс переживаний, в первую очередь — φρίκη, после чего выходили из тьмы на свет, в обновленном состоянии. Д. Кэрнс считает, что пробуждение этих эмоций было преднамеренной целью обряда инициации [11].

Мы обнаружили, что слово φρίκη употребляется в сходном значении и в других древнегреческих произведениях. Приведем некоторые примеры. Так, афинский полководец Мильтиад пробрался в храм подземных богинь, чтобы «унести с собой запретное, либо совершить что-нибудь еще. Однако уже у дверей святилища Мильтиада внезапно *охватил страх*, и он поспешил тем же путем назад и, спрыгивая со стены, вывихнул себе бедро» [13, с. 310]. В походе персидский царь Кир и его войско увидели сияние в ночном небе. Оно побудило «всех проникнуться *благоговейным трепетом* перед божественным знаменем и еще большим воинским пылом» [17, с. 87]. Никий,

17 В греческом тексте — phrikê and thambos [11].

18 “At first there are wanderings, wearisome running around, and inconclusive, anxious journeys through the darkness; then, before the consummation itself, all the terrors — phrikê, trembling, sweating, and amazement (thambos). But after that one encounters a kind of miraculous light, and is welcomed by pure, open places and meadows, with voices and dancing and the awe-inspiring majesty of sacred sounds and holy visions” [11].

влиятельный житель древнего города Энгия, вынужден был спешно покинуть родные места из-за своей солидарности с римлянами. Он спланировал побег, полагаясь на *φρίκη* сограждан. Выступая на Народном собрании, Никий специально повел себя так, словно получил наказание свыше: «...вдруг оборвал на полуслове свою речь и опустил на землю, а немного спустя, когда, как и следовало ожидать, *все в изумлении умолкли*, он поднял голову, огляделся и застонал — сначала робко и глухо, а потом все громче и пронзительнее; видя, что весь театр безмолвствует и *трепещет от ужаса*, он сбросил с плеч гиматий, разодрал на себе хитон, полунагой вскочил на ноги и бросился к выходу из театра, крича, что его преследуют богини-Матери. В суеверном страхе никто не дерзнул наложить на него руку или преградить ему путь...» [20, т. 1, с. 352–353].

В приведенных греческих текстах, на которые опирается Д. Кэрнс, и в последнем примере, указанном нами, с *φρίκη* соседствует эмоция изумления. Прилагательное «страшный» часто сочетается с обозначением удивления и в «Житии Василия Нового»¹⁹. В райском саду растут «плоды неизречены, страшны и чудны» [14, с. 507]. Герои «*дивлахуса*. ѿ страшных красоты» сакрального пространства [14, с. 369]. Григорий так описывает свою реакцию при виде Нового Иерусалима: «ѿ страха страшнаго видѣнія многа. на многыа чѣсто бы *чюдаса*. яко глоухъ и нѣмъ» [14, с. 453]. «*Чюдеса страшнаа*» [14, с. 383] ожидают попавшего в рай. В примерах к статьям «страшный» и «оужась», содержащимся в исторических словарях, *φρίκη* и его производные также стоят за словами, обозначающими удивление. Напомним, речь идет о: «страшный» — «чудесный, дивный, приводящий в изумление, непостижимый», «оужась — изумление». Старославянский «оужась» и его однокоренные слова особенно отчетливо показывают слияние эмоций страха и удивления. В X–XI вв. «оужась — потрясение, трепет, страх»; «оужась — изумление, трепет, испуг; чудо»; «оужасати — изумлять, поражать; приводить в трепет, пугать»; «оужасити — изумить, поразить»; «оужаснѣти са — изумиться, поразиться; испытать трепет, испугаться» [24, с. 730]. Таким образом, мы видим: значение «удивления» в слове «оужась» в этот период является первостепенным, что отличается от понимания «современного» ужаса. Сейчас его основное определение — интенсивный

19 В целом, все визионеры во время путешествий по раю испытывают сходные чувства: «...они “удивляются” райским чудесам, им “чудно и дивно”» [9, с. 40].

страх [19, с. 111]; факультативное — «в высшей степени сильное огорчение, негодование, крайнее изумление» [19, с. 112].

Почему страх и удивление совмещаются? Исследователи полагают, что это близкие друг другу эмоции: «...“все новое действует и на ребенка, и взрослого, подобно всякой неожиданности, сильно. Удивление — родня страху. Им часто начинается и наслаждение, и отвращение, и даже самый страх”. Таким образом, в самой биологической природе человека эмоции удивления, ужаса, восхищения, страха являются родственными по количественному признаку, признаку силы, интенсивности проявления» [3, с. 84].

Подведем итоги. Страх в «Житии Василия Нового» — это древнее, уходящее корнями в античное язычество религиозное переживание. Греки называли его φόβος. Изначально слово φόβος использовалось для наименования физиологических реакций, например, дрожи. Впоследствии φόβος стали обозначать особый род страха, который возникает внезапно и непроизвольно при явлении божества или в ответ на другие признаки божественного присутствия. Такой страх-φόβος близок удивлению и является эмоцией высокой интенсивности. В христианской традиции в этом страхе перед сакральным акцентируется компонент благоговейного почтения. Таким образом, страх-φόβος представляет собой сложноустроенную, многоуровневую эмоцию. Эту эмоцию и вызывают у визионера райские образы «Жития Василия Нового».

Страх-φόβος проделал долгий путь: он зародился в античных мистерилах и историях, затем был воспринят византийской христианской литературой и вместе с ней попал в Древнюю Русь. И занял свое место в оригинальной древнерусской книжности — как реакция героев произведений на явление Бога, его помощников или на божественные чудеса. Теперь мы лучше понимаем, о каком страхе писал древнерусский книжник в рассказах о переносе мощей Феодосия²⁰, встрече Авраамия Ростовского с Иоанном Богословом²¹, парящей церкви²² и многих других сообщениях.

20 «Югда же прокопахъ ѡбдержашеть ма оужасть. и нача^ззвати Г^и помилуи». — делится своими впечатлениями летописец, участвующий в переносе мощей Феодосия [18, стб. 210].

21 Авраамий встретил «человека страшна, благоговейна образом» и был «страхом и радостию одържим» [21, с. 131].

22 Сначала церковь увидели разбойники: «видѣвъше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свой». Затем «сичево же чюдо» наблюдал боярин князя Изяслава «и въ ужасти бывъ, погъна съ отроки, хотя видѣти, кая то естъ църкы» [15, с. 400].

Список литературы**Исследования**

- 1 Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 363–366.
- 2 Алексеев А.И. Представления о рае в период средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское о-во, 2003. Вып. 31. С. 195–198.
- 3 Беловольская Л.А. Семантический объем лексем *страх–страшно* в пространстве русского языка // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 83–85.
- 4 Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: Индик, 2006. 360 с.
- 5 Дергачева И.В. Топосы иного мира в «Житии Василия Нового» // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Т. 3, № 4. С. 33–43. DOI: 10.17759/langt.2016030404
- 6 Кафоль М. Об изображении рая в русских средневековых текстах // Slavica tergestina. 1994. № 2: Studia Russica. С. 137–159.
- 7 Нацевская Д.С. Представления о рае в древнерусских текстах (на материале северо-двинских лицевых сборников Древлехранилища Пушкинского Дома и Русского музея) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2017. Т. 65. С. 729–743.
- 8 Пентковская Т.В. Древнейший славянский перевод Жития Василия Нового и его греческий оригинал // Византийский временник. 2004. Т. 63 (88). С. 114–128.
- 9 Рождественская М.В. Рай «мнимый» и Рай «реальный»: древнерусская литературная традиция // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское о-во, 2003. Вып. 31. С. 31–46.
- 10 Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- 11 Cairns D. Mind, Body, and Metaphor in Ancient Greek Concepts of Emotions // L'Atelier du Centre de recherches historiques: revue électronique du CRH. 2016. № 16: Histoire intellectuelle des émotions, de l'Antiquité à nos jours. URL: <https://journals.openedition.org/acrh/7416> (дата обращения: 23.11.2020).
- 12 Konstan D. Affect and Emotion in Greek Literature. *Oxford Handbooks Online*. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935390.001.0001/oxfordhb-9780199935390-e-41> (дата обращения: 23.11.2020).

Источники

- 13 Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- 14 Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. М.: Издат. дом ЯСК, 2018. Т. 1: Исследования. Тексты. 776 с.

- 15 Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука. 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 352–433.
- 16 Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука. 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. С. 494–527.
- 17 *Ксенофонт*. Киропедия. М.: Наука, 1976. 334 с.
- 18 Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. VIII, 286 стб.
- 19 Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.
- 20 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М.: Наука, 1994.
- 21 Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М.: Сов. Россия, 1982. С. 130–141.
- 22 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2019.
- 23 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1890–1912.
- 24 Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994. 842 с.
- 25 A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. XLIX, 1568 p.
- 26 The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1989–1991.

References

- 1 Averintsev, S.S. "Rai" ["Paradise"]. *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t. [Myths of Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vols.]*, vol. 2. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1988, pp. 363–366. (In Russ.)
- 2 Alekseev, A.I. "Predstavleniia o rae v period srednevekov'ia" ["The Ideas about Paradise in the Middle Ages"]. *Obraz raia: ot mifa k utopii. Seriiia "Symposium" [The Image of Paradise: from Myth to Utopia. "Symposium" series]*, issue 31. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2003, pp. 195–198. (In Russ.)
- 3 Belovol'skaia, L.A. "Semanticheskii ob'em leksem *strakh–strashno* v prostranstve russkogo iazyka" ["The Semantic Space of the Lexemes *Fear–Fearfully* in the Russian Language"]. *Izvestiia vuzov. Severo-kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 1, 2005, pp. 83–85. (In Russ.)
- 4 Grigor'ev, A.V. *Russkaia bibleiskaia frazeologiia v kontekste kul'tury [Russian Biblical Phraseology in the Context of Culture]*. Moscow, Indrik Publ., 2006. 360 p. (In Russ.)
- 5 Dergacheva, I.V. "Toposy inogo mira v 'Zhitii Vasiliia Novogo'." ["Toposes of Another World in 'The Life of Basil the Younger'."]. *Iazyk i tekst langpsy.ru*, vol. 3, no. 4, 2016, pp. 33–43. DOI: 10.17759/langt.2016030404 (In Russ.)
- 6 Kafol', M. "Ob izobrazhenii raia v russkikh srednevekovykh tekstakh" ["About the Image of Paradise in Russian Medieval Texts"]. *Slavica tergestina*, no. 2: Studia Russica, 1994, pp. 137–159. (In Russ.)
- 7 Natsevskaiia, D.S. "Predstavleniia o rae v drevnerusskikh tekstakh (na materiale severodvinskikh litsevnykh sbornikov Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma i Russkogo muzeia)" ["Representations of Paradise in Old Russian Texts (Based on the Northern Dvina Region Illuminated Manuscripts in Collections of the Ancient Manuscripts Repository of the Institute of Russian Literature and the Russian Museum)"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 65. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, pp. 729–743. (In Russ.)
- 8 Pentkovskaia, T.V. "Drevneishii slavianskii perevod Zhitii Vasiliia Novogo i ego grecheskii original" ["The Oldest Slavic Translation of The Life of Basil the Younger and Its Greek Original"]. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 63 (88), 2004, pp. 114–128. (In Russ.)
- 9 Rozhdestvenskaia, M.V. "Rai 'mnimyi' i Rai 'real'nyi': drevnerusskaia literaturnaia traditsiia" ["'Imaginary' Paradise and 'Real' Paradise: Old Russian Literary Tradition"]. *Obraz raia: ot mifa k utopii. Seriiia "Symposium" [The Image of Paradise: from Myth to Utopia. "Symposium" series]*, issue 31. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2003, pp. 31–46. (In Russ.)

- 10 Skrzhinskaia, M.V. *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e* [*Ancient Greek Holidays in Hellas and the Northern Black Sea Region*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2010. 464 p. (In Russ.)
- 11 Cairns, Douglas. "Mind, Body, and Metaphor in Ancient Greek Concepts of Emotions." *L'Atelier du Centre de recherches historiques: revue électronique du CRH*, no. 16: Histoire intellectuelle des émotions, de l'Antiquité à nos jours, 2016. Available at: <https://journals.openedition.org/acrh/7416> (Accessed 23 November 2020). (In English)
- 12 Konstan, David. "Affect and Emotion in Greek Literature." *Oxford Handbooks Online*. Available at: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935390.001.0001/oxfordhb-9780199935390-e-41> (Accessed 23 November 2020). (In English)